

Полковник Гуров

Николай Леонов

Джентельмен удачи

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Джентельмен удачи / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
— (Полковник Гуров)

В бывшего моряка капитана Гузеева стреляли из обреза почти на глазах полковника Гурова. Естественно, что он взялся за это дело. Чем глубже Гуров и его напарник полковник Крячко вникают в обстоятельства покушения, тем больше вопросов возникает у них. Кому и за что нужно было стрелять в пожилого мирного человека? Куда делись три ящика с золотыми слитками, которые когда-то перевозил Гузеев на своем судне? Почему экипаж его корабля десять лет томился в тюрьме иностранной державы? Откуда жгучий интерес к этому делу у криминального авторитета Мертвого? Ответы на эти вопросы будут найдены, когда все «заинтересованные лица» соберутся в лесу около заброшенного хутора. Вот там-то под шквальным автоматным огнем Гуров и Крячко узнают всю истину...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Николай Леонов, Алексей Макеев

Джентельмен удачи

Глава 1

Когда подошла к концу суeta на границе и возобновился умиротворяющий перестук колес, полковник Крячко радостно засмеялся и, усевшись на мягкое сиденье, развязал узел ненавистного галстука. У него было широкое, простоватое лицо со следами усердного бритья на щеках и крепком, как у боксера, подбородке.

– Ну что, Лева, можно считать, официальная часть подошла к концу? – с надеждой спросил он. – Можно расслабиться? Признаться, я на тебя зол ужасно! Ты просто заставлял меня этими международными связями, границами и прочими церемониями. Я едва не задохнулся в этом ошейнике! Да и пиджачок в плечах жмет... Граница, граница! А на самом деле я никакой границы и не почувствовал. Зашли люди, поговорили по-русски, как мы с тобой, в паспорта заглянули, пожелали доброго пути – вот и вся граница. И ради этого стоило наряжаться, как на похороны?!

Он с большим облегчением сорвал с шеи галстук и стал стаскивать пиджак. Полковник Гуров с иронией на него покосился. Они вместе ехали на симпозиум правоохранительных органов, который носил гордое имя международного, хотя делегации, на нем представленные, язык не поворачивался назвать иностранными делегациями, настолько привычными для слуха были названия – Казахстан, Украина, Россия. Но ничего не поделаешь – времена все-таки изменились.

– Стоило, стоило! – заявил Гуров, улыбаясь. – В кои-то веки удалось изобразить из себя цивилизованного человека, а он опять недоволен! По крайней мере граждане дружественной страны увидели, что сотрудники российского МВД достойно представляют свою державу. Слух теперь пойдет по всему Казахстану – мол, на границе полковника Крячко видели – в галстуке! Легенда!

– Да? По-моему, никто даже не обратил внимания, – отозвался Крячко. – Как всегда, все взоры были обращены на тебя, Лева... Особенно женские. Кстати, ты заметил, что среди казахских женщин есть очень даже симпатичные? Возьми хотя бы нашу проводницу...

Он с усердием копался в своем чемодане, расшвыривая в стороны нехитрые предметы холостяцкого туалета. Под рубашкой перекачивались внушительные мышцы – несмотря на возраст, полковник Крячко держал физическую форму.

Его спутник, высокий, широкоплечий, с благородной сединой на висках, слегка улыбнулся и выглянул в окно. Мимо проносилась быстро темнеющая степь, сухая, плоская, без малейшей зацепки для взгляда. Длинная багровая полоса над горизонтом тускнела, словно покрываясь пеплом.

– И правда, странно – совсем недавно все это было нашей с тобой родиной... А теперь таможенники, паспорта – вот, женщины казахские восторг у тебя вызывают, будто ты их никогда в жизни не видел... И мы-то с тобой вроде как иностранцами заделались! Просто чувствуешь себя облеченным некоей миссией!

– А я вот себя не чувствую это... облеченным, – деловито сказал полковник Крячко, который закончил наконец свои поиски и с торжествующим видом поставил на стол пузатую бутылку купленной загодя водки. – Я себя, Лева, как всякий командированный, чувствую, с одной стороны, вытянувшим счастливый билет – вроде как в круиз на халюву съездил, но, с другой стороны, чувствую, что мы просто теряем время, и от этого чуток противно на душе. А

чтобы не дать угнездиться этому чувству слишком прочно, я захватил одно верное средство... То есть не одно, но для начала... У меня тут и закуска имеется...

Гуров повернулся и с юмором уставился на довольную физиономию товарища.

– А я-то думаю, что это ты так легко согласился брюки погладить и галстук надеть?! – воскликнул он. – А ты, оказывается, контрабанду через границу везешь! Теперь понятно! Между прочим, тема симпозиума как раз подходящая – совместное противодействие организованной преступности, не признающей границ.

– Так это же как бы отработка вероятного сценария, – так же шутливо ответил Крячко. – Однако если ты считаешь, что я неправ, я могу убрать...

Он сделал вид, что прячет бутылку обратно в чемодан.

– Оставь! – махнул рукой Гуров. – В самом деле, почему бы на расслабиться? Не помню, когда мы с тобой в последний раз злоупотребляли? Месяца четыре, наверное, прошло?

– Пять! – с упреком сказал Крячко. – А это о чем говорит – знаешь? О приближающейся старости и сопутствующем ей равнодушии. Мы теряем интерес к жизни. Вот за это предлагаю первый тост – чтобы никогда не потерять интерес к жизни!

Разговаривая, он как-то незаметно успел нарезать колбасу и хлеб, а также разлить напиток по чайным стаканам. Гуров подсел к столу. Они чокнулись и выпили.

– Русью пахнет! – заявил Крячко, мотая головой и с шумом втягивая в себя воздух. – Лучшего средства от ностальгии никто еще не придумал, Лева!

– Мы только-только пересекли границу, через три дня назад, а тебя уже ностальгия замучила? – посмеиваясь, спросил Гуров.

– Ужасно, Лева! – потупился Крячко. – Только из-за нее, проклятой, решился нарушить воздержание. Ну, может, оно и к лучшему, а то с этой работой всю пьянку забросили!

– Ты особо-то не настраивайся! – заметил Гуров. – Не на курорт все-таки едем. Такая же работа, между прочим.

– Да какая работа! – пренебрежительно отозвался Крячко. – Не люблю я это ля-ля. Соберутся сейчас братья-правоохранители и будут друг другу рассказывать, как у них душа болит из-за роста преступности. А чего рассказывать? Бороться с ней надо, и все дела.

– Чтобы бороться, нужна координация действий, – заметил Гуров. – Сам видишь, как все изменилось – и границы, и законы...

– Да все это чепуха! – безапелляционно заявил Крячко. – Не получится никакой координации. Тут каждый за себя. Все эти симпозиумы – для показухи, мол, поглядите, какие мы теперь цивилизованные, а на самом деле... – он махнул рукой и сноровисто плеснул в стаканы. – Сам знаешь не хуже меня. Только тебе статус мешает признать мою правоту. А с Крячко чего взять? Ничего с меня взять невозможно.

– Экий ты пессимист, брат! – с шутливой укоризной заметил Гуров. – Ошиблось в тебе руководство. Но я все-таки надеюсь, что коллеги из стран СНГ сумеют убедить тебя, что ты не прав. Вот увидишь, как закипит работа после этой нашей встречи!

– Давай за встречу! – немедленно подхватил Крячко, поднимая стакан. – За работу нашу проклятую!

– Это последняя! – хмуря брови, сказал Гуров. – Все-таки завтра нужно в форме быть, неудобно, если от нас, от иностранцев, перегаром разить будет. Вообще предлагаю завалиться спать – темнотища за окном, хоть глаз выколи. По-моему, весь поезд спит уже.

– Ну, это ты зря, Лева! – огорчился Крячко. – В кои-то веки выдалась возможность посидеть спокойно, говоря юридическим языком, без свидетелей, а ты уже спать! Купе двухместное, люкс – мы никому не мешаем, нам никто не мешает... Вот уж ты зря!

– Да устал я что-то сегодня, – объяснил Гуров. – И предстоящий симпозиум, если честно, меня не радует. Заранее неудовлетворенность какую-то чувствую. В самый раз погрузиться в

объятия Морфея, чтобы избавиться от дурных мыслей. И двухместное купе тут очень кстати, это ты правильно сказал.

– Ну, пускай будет по-твоему, – сдался Крячко. – Но уж по глотку мы все-таки с тобой выпьем!

Они выпили, и Крячко с сожалением завинтил пробку на пузатой бутылке.

– Пойду-ка я проветрюсь, покурю на сон грядущий! – объявил он, вставая. – Со мной за компанию не хочешь?

– Нет, уволь! – засмеялся Гуров. – Ты хочешь, чтобы я сегодня перенял все твои дурные привычки? Я спать буду.

Крячко пожал плечами, достал из кармана пачку сигарет и вышел из купе. Когда дверь за ним закрылась, Гуров поднялся и снова поглядел в окно. Снаружи была крошечная ночь. Только вдаль угадывались какие-то огоньки. Гуров представил себе бескрайнюю степь, по которой двигался их поезд, эти солончаки, кажущиеся на поверхностный взгляд совершенно безжизненными и дикими. По правде говоря, эти края будили в душе Гурова смутное беспокойство – и не только своей первобытной заброшенностью. Он хорошо знал, какие возможности дает эта необжитая земля для осуществления преступных замыслов. Наркотики, контрабанда, нелегальная иммиграция... На десятки километров ни одной живой души. Что уж говорить о пограничных постах и патрулях? Наверное, эти вопросы волнуют и нынешних хозяев этой земли, раз уж они заговорили о тесном сотрудничестве правоохранительных органов. Дай Бог, подумал Гуров, давно пора. Только бы слова в очередной раз не остались всего лишь словами...

Он вспомнил, что уже через три дня им придется возвращаться домой, и лицо его осветилось мечтательной улыбкой. Значит, восьмого сентября он уже будет в Москве, а девятого возвращается с гастролей Мария. Очень удачно. Он даже успеет прибраться в доме.

Гуров очень соскучился по жене. Мария Строева была его поздней и без сомнения последней любовью. В ней сосредоточилось все, что принято считать личной жизнью. Гуров был благодарен судьбе за то, что она подарила ему под конец жизни эту волнующую и прекрасную встречу. Мария была красавицей и обладала тонкой душой. Гуров и не помнил, кто бы еще так же хорошо понимал его, как она. Разве что самые близкие – Стас Крячко и генерал Орлов, но это было, конечно, совсем другое.

Однако, помимо всего прочего, Мария была известной на всю страну актрисой, и этот факт совсем не радовал Гурова, не заставлял его раздувать щеки от гордости. Наоборот, факт этот был для него той самой ложкой дегтя из пословицы: гастроли, поклонники, киносъемки – бесконечная эта карусель мешала им видиться чаще, чем того хотелось обоим. Правда, Гуров никогда не говорил на эту тему вслух. Во-первых, он и в самом деле гордился женой, а во-вторых, его собственная работа мало располагала к размеренной семейной жизни. Он уезжал ни свет ни заря из дома, он приходил за полночь, иногда не показывая носа два-три дня подряд, идя по следу какого-нибудь матерого убийцы – занятие, несомненно, увлекательное, но только для того, кто принимает в этом непосредственное участие. Женам редко нравятся мужья, у которых жизнь полна приключений. Пожалуй, по части отлучек Гуров даже переплюнул Марию. Поэтому он помалкивал в тряпочку. Гуров был не из тех людей, которые в своем глазу бревна не видят.

Гуров не знал, как будет выглядеть их нынешняя с Марией встреча, но решил, что на этот раз не уступит Марию никаким поклонникам, никаким репортерам – подгонит в аэропорт машину (что, если шикануть и взять напрокат «Кадиллак»?!) и умыкнет ее прямо с трапа самолета. Ничего себе, жизнь – приходится похищать собственную жену! И все-таки в этом есть определенный шарм – лимузин, корзина цветов, завистливые взгляды зевак... Гуров улыбнулся собственным мыслям. Ох уж этот Крячко, змей-искуситель! Выпитый алкоголь пробудил фантазию Гурова, которой он обычно воли не давал. Его поступки подчинялись строгим законам

логики, иначе и быть не могло – этого требовала профессия, дело всей его жизни. Конечно, женщинам нравятся романтические сумасбродства, думал Гуров, но даже такие вещи лучше обдумывать на трезвую голову, чтобы не выглядеть потом смешным.

– Ладно, утро вечера мудренее! – вслух сказал Гуров своему отражению в оконном стекле. – И в запасе у нас есть время – придумаем что-нибудь.

Он присел на скамью и стал снимать пиджак. Равномерный перестук колес действовал на него усыпляюще. Предвкушая редкую возможность спокойного отдыха, Гуров стал готовиться ко сну. Его немного удивляло, что Крячко все еще не вернулся. Должно быть, встретил в тамбуре еще одного заядлого курильщика, и теперь они на пару травят байки из своей бурной жизни.

Неожиданно в движении поезда что-то изменилось. Гуров почувствовал это, еще не понимая, что он, собственно, ощущает. Но через секунду все встало на свои места, а вернее, как раз все слетело со своих мест, потому что где-то в тамбуре кто-то сорвал стоп-кран. Состав наполнился душераздирающим скрежетом тормозной системы, вагон пошатнулся, точно налетел на невидимую преграду, и Гурова со всего размаху швырнуло на перегородку. Он больно ударился головой – так, что потемнело в глазах, но тут же вскочил, ухватившись для равновесия за какой-то поручень.

Поезд еще двигался, с натугой, с визгом, будто сдирая стружку с рельсов, но через мгновение движение прекратилось, и все стихло. Гуров помотал головой, чтобы привести себя в чувство, и выскочил в коридор.

В наступившей тишине нарастал вал разнообразных звуков, которые в этот час казались необычными – хлопали двери, стучали каблучки, какие-то люди перекликались встревоженными голосами. Гурову показалось, что он смотрит кинофильм на широком экране.

– Вот так попали, на ровном месте, да мордой об асфальт! – пробормотал Гуров, потирая затылок. На месте ушиба нарастал круглый саднящий желвак.

В конце коридора лязгнула дверь, и по проходу устремился полный железнодорожник в серой форменной рубашке с погончиками. Его широкое желтоватое лицо имело чрезвычайно озабоченное выражение.

– Что случилось? – спросил Гуров, когда железнодорожник протискивался мимо него.

– Сейчас узнаем, – неопределенно сказал тот, не останавливаясь. – Что-то в соседнем вагоне. Волноваться не надо. Сейчас разберемся.

Гуров, однако, разволновался и поспешил вслед за должностным лицом. Он опасался, не стал ли виновником переполоха его чересчур непосредственный товарищ. Крячко вообще-то был ответственным человеком, но иногда с ним приключались странные вещи. И вообще, Гурову казалось, что его присутствие на месте возможного происшествия будет излишним.

В его вагоне люди еще не пришли в себя, и кроме Гурова никто из купе не вышел. Но в соседнем вагоне творилось что-то невообразимое. Коридор был битком набит людьми в пижамах. У многих еще сохранялись на лицах следы сна. Но взбудоражены все были чрезвычайно. Проводникам во главе с начальником поезда едва удавалось сохранять подобие порядка. Гуров заметил и присутствие коллеги – приземистого, мощного человека в непривычной для глаза форме, с четырьмя звездочками на погонах. Он сумрачно просил пассажиров разойтись и дать органам спокойно работать. В общем гвалте его слова звучали не слишком убедительно.

Такое заявление очень не понравилось Гурову. Оно могло означать только одно – в поезде совершено преступление. Это не слишком оптимистическое предположение тут же и подтвердилось. Неожиданно из гущи народной вынырнул разгоряченный, с горящими глазами Крячко и схватил Гурова за рукав.

– Лева! – понизив голос, сказал он. – Мы с тобой все про работу говорили. Так вот, накликали. Тут нашего земляка мочкануть хотели. Заказуха или ограбление – не знаю, но пре-

ступник скрылся, и, похоже, его здесь ждали, потому что он стоп-кран сорвал, а потом снаружи машина зарычала.

– Ну что за жаргон! – пробормотал Гуров. – На нас же люди смотрят. И потом, ты уверен, что все понял правильно? Ты ведь был намерен расслабиться...

– Подожди! – Крячко потянул Гурова в тамбур.

Им навстречу протискивались те, кто опоздал к началу событий. Теснота и гвалт стояли страшные. Крячко бесцеремонно растолкал всех плечом и, ворвавшись в тамбур, распахнул вагонную дверь. Оказывается, она была открыта.

В лицо Гурову пахнуло сухим степным ветром. Несмотря на поздний час, было довольно тепло. Вокруг все тонуло во тьме – лишь по железнодорожной насыпи, как клавиши рояля, рядом тянулись белые полосы падающего из окон света.

Крячко прыгнул вниз. Гуров, страшно раздосадованный, последовал за ним. Выяснилось, что возле поезда уже ходят какие-то люди. Мелькнул луч фонаря. Недовольный голос с восточным акцентом сказал:

– Ну что такое?! Ну кто велел выходить? Мне что потом, всю ночь вас по степи собирать?

Говорящий подошел ближе – это был проводник. За ним, бормоча под нос ругательства, шел еще один человек в непривычной милицейской форме, видимо из той же сопровождающей бригады. Луч фонаря уперся Гурову прямо в лицо, и он сердито сказал:

– Уберите немедленно!... Мы с товарищем работаем в милиции. Можем показать документы. Требуется помощь?

Настырный проводник отвел наконец в сторону фонарь и не приветливо, но сбавив тон, сказал:

– Да какая помощь? Этих уже и след простыл! Кто же их здесь ночью искать будет?

– Но вы-то ищете? – заметил Гуров.

– Это вот лейтенант захотел своими глазами посмотреть, – словно оправдываясь, сказал проводник. – А я говорю, чего тут сейчас увидишь? Темень, хоть глаз коли. В вагон идти надо. Начальник поезда по рации с ближайшей станцией свяжется – там передадут куда надо. Только вряд ли кого поймают. Тут столько этого народа по ночам шатается... Только и делай, что лови!

– Ты наших гостей в заблуждение не вводи! – подал голос лейтенант. – И ловим, и под суд отдаем. Служба поставлена как полагается. А по-твоему выходит, что у нас тут дикая природа... А вообще, ехать надо, это точно. У нас полномочий по степи гоняться нету.

– А что произошло – вы видели? – поинтересовался Гуров.

Лейтенант был совсем рядом. Он пытливо взглянул Гурову в лицо и, каким-то таинственным служебным нюхом угадав его звание, ответил:

– Да откуда видел, товарищ полковник! Все же моментально произошло. Нас вызвали, когда эти сволочи удрали уже. Капитан сейчас потерпевшего опрашивает. А меня вот послал проверить, как тут и что. Стрелявший через тамбур ушел и, похоже, тут же в машину сел. Теперь далеко уже...

– Значит, стреляли? – удивился Гуров.

– Купе испортили начисто! – зло сказал проводник. – Люксовое купе. Обшивку как зубами грызли. Окно высадили... Эх! Да вы садитесь! Скоро, наверное, тронемся. У нас расписание жесткое. Опоздаем – премии не видать как своих ушей.

Один за другим поднялись в вагон. Последним повис на подножке проводник. Всматриваясь в черную степь, пытался угадать, не отстал ли какой любопытствующий. Но степь была пуста. Лишь где-то далеко под светом звезд мчался автомобиль с загадочными злоумышленниками.

– Ну что я сказал? – объявил Крячко, когда они вернулись в вагон. – Пока мы с тобой рассуждали о координации действий и борьбе с преступностью, у нас под самым носом свершилось злодеяние. Будут комментарии?

– Что выросло, то выросло, – пожал плечами Гуров. – В конце концов, сейчас мы просто гости и в первую очередь пассажиры. Неприятно, конечно, но не вижу, где тут наша вина. Впрочем, раз уж мы здесь, не мешало бы взглянуть на потерпевшего, тем более что он наш земляк.

Крячко повел Гурова в то купе, где недавно разыгралась криминальная драма. К их удивлению, коридор был уже практически пуст. То ли начальству поезда удалось убедить пассажиров разойтись, то ли им самим надоело толкаться в тесном пространстве, тем более что, как выяснилось, до смерти никого не убили. И интерес публики угас так же быстро, как и возник.

Гурову это было как раз на руку, ему очень хотелось понять, что произошло этой ночью в скором поезде. Несмотря на внешнюю невозмутимость, в душе он все равно испытывал некоторую неловкость от того, что преступники осмелились так нагло действовать действительно под самым его носом.

Чтобы попасть в купе, Гурову пришлось показать свое служебное удостоверение. Ни начальник поезда, ни капитан-казак в странной для глаза форме никак не зависели от Министрства внутренних дел России, но все они еще помнили старые времена, и почтительное отношение к документам в красных корочках было у них в крови. А кроме того, как понял Гуров, никто из должностных лиц не знал толком, что делать в подобной ситуации. Если бы нарушитель порядка был здесь, они постарались бы его скрутить и на ближайшей станции передать куда следует. Но преступник сбежал, жертва преступления отделалась испугом, и кроме испорченного имущества в распоряжении должностных лиц ничего не было. Следовало, видимо, составить протокол, но как раз этот пункт программы вызывал у них заметные сомнения. Гурову показалось, что широколицый капитан с медвежьими ручищами с удовольствием спустил бы это дело на тормозах. Да и начальнику поезда лишняя головная боль была ни к чему. Единственным камнем преткновения оставалась позиция пострадавшего. Этот настаивал на немедленном расследовании и компенсации ущерба. Переговоры зашли в тупик. Гуров появился как раз вовремя.

Как ни странно, лицо человека, в которого стреляли, показалось ему знакомым. Гуров вспомнил, что на московский вокзал этот человек приехал в белом «Мерседесе», в сопровождении небольшой, но внушительной свиты. Собственно, часть этой свиты присутствовала и здесь – двое высоких сумрачно-молчаливых парней в хороших костюмах стояли по обе стороны двери, и на их лицах было написано раскаяние. От них никто ничего не требовал и не предъявлял им никаких претензий, но свою недоработку они понимали сами. Гуров им посочувствовал – видимо, разбор полетов им еще предстоял.

Пострадавшему гражданину было около сорока пяти лет. Он, нахохлившись, сидел на краю мягкого дивана, а рядом суежилась молодая женщина-казашка в белом халате. Весело сверкая черными как уголь глазами, она бинтовала гражданину голову. Внешность ее вполне оправдывала то восхищение, которое недавно высказывал Крячко. Медсестра была стройна и красива и, кажется, отлично это понимала, судя по тому, с какой иронией посматривала она на окружающих ее мужчин своими черными глазами.

Гуров назвал свою фамилию и должность, поинтересовавшись для проформы, все ли в порядке.

– Гузеев! Павел Владимирович, – пробурчал раненый, однако голову поднял и на Гурова посмотрел с интересом. – А я ведь вас знаю, Лев Иванович! Наслышан в некоторой степени.

– Вот как? Любопытно! Имели какие-то проблемы с правоохранительными органами? – спросил Гуров.

– Бог миловал, – через силу улыбнулся Гузеев. – Зато имеются общие знакомые... Но сейчас это не суть важно. Видите, в какое дерьмо я вляпался?

Гуров посмотрел на перегородку купе, покоробленную выстрелом, на разбитое в крошку оконное стекло и заметил:

– Ну, не такое уж это и дерьмо, Павел Владимирович. Могло быть гораздо хуже, насколько я понимаю. Стреляли, похоже, дробью?

– Ага, из обреза, – подтвердил Гузеев. – Ворвался в темноте – купе у меня не заперто было – и с ходу выпалил два раза. Грохот, огонь – я чуть в штаны не наложил, честно скажу...

Медсестра, не удержавшись, прыснула, но тут же строго сдвинула брови и продолжила свое милосердное дело. Гузеев и сам криво ухмыльнулся.

– Ну представьте, я на ночь коньячку выпил, настроился поспать всласть, а тут такое... Вы правильно говорите, хорошо отделался. Вскользь по голове задело, а ведь могли башку отстрелить на хрен!

– Могли, – согласился Гуров. – Видно, здорово вы кому-то насолили Павел Владимирович! Или это ограбление?

– У нас на железной дороге таких случаев давно уже не бывает, – строго заметил начальник поезда. – Даже случаев воровства у пассажиров не припоминаю. На вверенном мне участке работы, – добавил он, подумав.

– Собственно, это не мой курятник, – развел руками Гуров. – Сочувствую вам, Павел Владимирович, и готов помочь чем угодно, но это дело пока находится в компетенции местных правоохранительных структур. Вот если поступит хотя бы неофициальное предложение о сотрудничестве...

– А я считаю, это какие-то ваши разборки! – вдруг брякнул капитан из местных правоохранительных структур. – Подкараулили вас тут, где вас никто не знает, да и пальнули. Дело простое – они сейчас в машину сели и – по степи через границу. Ищи ветра в поле! А нам от вас одни неприятности.

Гузеев с раздражением на него покосился.

– А вы, любезный, похоже, не чувствуете никакой ответственности? – спросил он со злой иронией. – За вверенный участок работы? Проморгали бандитов, а теперь перекладываете с больной головы на здоровую... Впрочем, я от вас чудес и не жду, можете не беспокоиться. Это хорошо, что случай свел здесь нас с вами, – обратился он к Гурову. – Это просто перст судьбы, я считаю.

– Не понял вас, – сказал Гуров, закладывая руки за спину. – Поясните, пожалуйста.

– Если можно, я с глазу на глаз, – сказал Гузеев.

Начальник поезда и капитан переглянулись, пожали плечами и вышли из купе – как показалось Гурову, с большим облегчением.

– Вот и все, – весело сказала медсестра, заканчивая перевязку. – Постарайтесь теперь уснуть. Головку повыше и полный покой... Только как же вы с разбитым окном? Я не представляю.

– Павел Владимирович перейдет в наше купе, – хрипло сказал один из охранников. – Сейчас мы все устроим.

– Вы уже устроили, – буркнул Гузеев и махнул рукой. – Выйдите все! А вам, милочка, большое спасибо. Вот вам за заботу – не при милиции будь сказано... Ну да, господин полковник, я думаю, закроет на секунду глаза... – он сунул медсестре в руку хрустящую с стодолларовую купюру президентом и кивнул головой.

Красавица зарделась, стрельнула глазами, еще раз прикоснулась пальцами к бинту на голове Гузеева, будто погладила, и вышла. Гуров и Крячко вопросительно уставились на хозяйина купе. В разбитое окно ворвался ветер и пошевелил край занавески.

– Присаживайтесь! – предложил Гузеев. – Понимаю, что вы здесь не заете, чтобы грузиться моими проблемами, да и время не самое подходящее, но вас будто Бог послал. Не думал я к вам обращаться, но тут, я считаю, знак просто...

– Я в таких случаях говорю – не разбегайся, прыгай! – заметил Гуров. – Время действительно позднее, поэтому давайте конкретно – что такое вы хотели нам поведать?

– Моей жизни угрожает опасность, – сказал Гузеев. – Как вы могли сами убедиться – далеко не воображаемая. О причинах и догадках я сейчас не буду распространяться. У вас свои дела, у меня свои, а эти негодяи уже далеко. Ловить их здесь бессмысленно. Давайте лучше встретимся в Москве и все обсудим. Это неофициальное предложение, но я готов подкрепить его соответствующими гарантиями.

– Вроде тех, что вы сунули в руку этой девочке? – усмехнулся Крячко.

Гузеев махнул рукой.

– Это мелочь. Свою жизнь я ценю гораздо выше, уверяю вас, – с гордостью сказал он.

– Мы, Павел Владимирович, не частные сыщики, – строго сказал Гуров. – Так что если у вас есть какое-то заявление, то оно должно быть исключительно официальным, в установленном порядке. Впрочем, если вы настаиваете на встрече с нами, мы пойдем вам навстречу. Вот мой телефон – позвоните, когда вернетесь в Москву, – он протянул Гузееву визитную карточку. – Вы когда планируете назад?

– Дня через три. У меня здесь переговоры по поставке оборудования для кинотеатров. Звук, кинопроекторные установки, мебель...

– В Казахстане ожидается кинобум? – удивился Крячко.

– Я на это надеюсь, – сказал Гузеев.

– Хорошо, если надумаете, звоните! – заключил Гуров. – А сейчас мы пойдем. Вам надо отдохнуть. Да и нам не помешает. Утро вечера мудренее, как говорится.

Глава 2

Свистящая черная ночь летела навстречу, рассыпалась по ветровому стеклу мошкаррой, мелкой, как пыль. Время от времени машина опасно подпрыгивала на кочках, но скорости не сбавляла. Свет фар безжалостно полосовал вылетающее из темноты бездорожье, покрытое жесткой рыжей травой. Трое мужчин, сидящих в машине, молчали, напряженно всматриваясь во тьму.

Наконец тот, что сидел за рулем, разлепил губы.

– Черт его знает – ничего не понимаю! Все одно и то же, как будто на месте газуешь! Вот чертова пустыня! Давай-ка, Вик, сверься с прибором – нужно точно знать, где находимся, а то как раз на погранцов выскочим.

Он сбавил скорость и остановил машину посреди степи, не выключая, однако, мотора. Зажгли верхний свет.

Его сосед без слов полез за картой и за прибором – ориентироваться по спутнику. Третий, сидевший за их спинами, нервно засмеялся и сказал:

– Да уж, тогда если пограничники нас не положат, то шеф точно убьет. Он сказал, чтобы ни одна живая душа...

– Без тебя знаем, что он сказал, – оборвал его Вик, мрачно рассматривавший знаки на дисплее прибора и сверяясь с картой. – Лучше проверь «АКМ», пока делать нечего.

Вик долго сопел над картой, водил пальцем. Парень на заднем сиденье звякал железом.

– Ладно, давай как ехали, – наконец решил Вик. – Только забирай чуть-чуть к северу. Так оно надежней будет.

Водитель кивнул и тронул машину с места. Они помчались дальше, постепенно наращивая скорость. Долго молчали.

– Палец, ты автомат проверил? – вдруг спросил Вик.

Парень на заднем сиденье, носивший странную кличку Палец, откликнулся тут же.

– Все железно, Вик! Можешь не сомневаться. Только не дай бог, чтобы...

– Закрой хлебало! – резко оборвал его водитель. – И больше не открывай. Не слышал, что ли, пословицу – не буди лихо, пока оно тихо?

– Да я что? Я, Иваныч, только добра хочу, – оправдываясь, сказал Палец. – Я чтобы...

– Помолчи! – еще раз прикрикнул на него водитель и, перейдя на деловой тон, заговорил монотонно но очень убедительно: – Значит, если границу нормально перейдем, первым делом найдем место потише, и чтобы река была. Оружие утопим от греха подальше и, если все будет спокойно, проселочными дорогами поедем на север. Где-нибудь под Самарой я вас высажу поодиночке – сами будете до Москвы добираться, поездами. А я в Тольятти, город автомобилестроителей...

– А в Тольятти зачем? – любопытствовал неугомонный Палец.

Иваныч пропустил его вопрос мимо ушей. Он пристально всматривался в полосу освещенной, бегущей под колеса земли. Больше всего он сейчас опасался проглядеть пограничный патруль. Это было хуже, чем угодить в яму.

– Много еще до границы? – отрывисто спросил он.

– Километра два, я думаю, – ответил Вик. – Дорога у нас южнее осталась, так что, думаю, километра два, ну, три максимум. Вот-вот дома будем.

– Плюнь! – посоветовал Иваныч. – Еще один пророк выискался. Сидели бы, помалкивали в тряпочку, философы!

Он делал вид, что зол на своих спутников, но на самом деле они были тут ни при чем. Иваныч нервничал. И чем ближе была граница, тем сильнее нервничал. Граница была прозрачная, полная дыр, и через нее свободно ходили и звери, и люди. Но были здесь и контрольно-про-

пускные пункты, и пограничные патрули, так что при невезухе нарваться можно было очень серьезно. И еще Иваныч нервничал из-за того, что плохо знал эти места. Вернее, он их знал, но такими, какими они были лет пятнадцать назад. Побывать здесь заранее не получилось – все делалось в спешке и, по мнению Иваныча, на уровне детского сада. Кое-что удалось почерпнуть из рассказов тех, кто навещался сюда недавно, кое-что из Интернета, но все это было полужнание, а серьезные дела на полужнании не делаются. Если все пройдет благополучно и они выберутся отсюда без приключений, то впору в церковь идти, свечку ставить. Иваныч в Бога не верил, но мысль о свечке ему понравилась. Он даже представил, как входит в тихую церковь – один, без спешки и суеты, с благодарностью в душе, и затепливает тонкую восковую свечу, а на душе у него покой, и никакого чувства опасности, красота!

И только он об этом подумал, как судьба тут же ткнула его мордой в грязь. На самом деле грязи нигде не было, но получилось еще хуже, потому что со всего разгону они влетели в какую-то яму, подпрыгнули, как пескари на сковородке, и чуть не перевернулись. У Пальца сзади аж зубы хрустнули, а Вик саданулся виском о железку и зашипел от боли. Мотор заглох.

Иваныч медленно выругался. В окошке ничего не было видно, кроме звезд, потому что «УАЗ» сидел задом в яме, чуть-чуть наискосок.

– Приехали! – с ненавистью сказал Иваныч и принялся открывать дверцу. – Выходи, инвалидная команда! Если не выдернем тачку из ямы, пешком топтать придется! Шевелись!

С проклятиями они вылезли из машины, обошли вокруг ямы.

– Куда же ты смотрел?! – не выдержал Вик. – А если кардан полетел?

Иваныч, ничего не отвечая, зашел к машине в тыл и навалился плечом.

– Давай, помогай! – злобно прошипел он. – Кишки вон, а вытягивай! Это шутки плохие!

Прочие уже и сами поняли, что положение отчаянное. Вцепились в железный остов «УАЗа» как муравьи, толкнули, надрывая жилы. Проклятый «УАЗ» сдался не сразу. Минут пять они исходили потом и сдирали на руках кожу. И все-таки они добились своего. Чертова железка с великой неохотой выползла из колдобины и встала на твердую землю. Иваныч посмотрел на «УАЗ» так, будто не верил своим глазам, а Палец сказал:

– Тяжелая, сволочь! Надо было «Оку» брать, – и он засмеялся дурашливым смехом.

– Не надо было тебя, идиота, брать, – сквозь зубы сказал Иваныч.

– А ты из-за меня влетел, что ли? – обиделся Палец. – Я, между прочим, все делал правильно, все, как сказали – тютелька в тютельку. А что тебе моя рожа не нравится, так это не мое дело. Мне, может, тоже кое-что не нравится, я же молчу...

– Ты уж хрен помолчишь! – заметил Иваныч, махнув рукой.

– Тихо! – вдруг изменившимся голосом произнес Вик. – Базарите тут! Слышите?!

Над степью возник какой-то посторонний жужжащий звук. Он шел откуда-то из-за черного горизонта и неумолимо приближался. Через несколько мгновений стало ясно, что где-то поблизости едет машина.

– Ну, приплыли! – почему-то шепотом сказал Иваныч. – Я чувствовал, что этим все кончится. Вот кто это, контрабандисты или погранцы?

– В любом случае валить надо, – мрачно сказал Вик. – Мы тут никому не нужны. Поехали скорее, до границы рукой подать.

– Ну да, поехали, – возразил Иваныч, напряженно вслушиваясь в нарастающее жужжание. – Как поедет, так нас сразу и засекут. Переждать надо.

– Чего ждать-то? – загорячился Вик. – Сейчас у нас шанс есть. А будем ждать – шарахнут из пулемета, и все дела. Куда ты тут будешь прятаться? Как на площади стоим.

Иваныч колебался. Наконец, когда урчание неизвестного мотора сделалось совсем отчетливым, он махнул рукой.

– А, поехали!

Они мигом запрыгнули в машину. Иваныч с озабоченным лицом повернул ключ в замке зажигания. Мотор скрежетнул, чихнул и затих. Выматерившись, Иваныч повторил попытку. Вик смотрел на него почти со страхом.

В ночи появились две яркие белые точки. Они двигались туда, где стоял злосчастный «УАЗ». Палец завозился на заднем сиденье, клацнул предохранителем.

– Спокойно! – негромко предупредил Иваныч, который в минуты опасности становился удивительно расчетлив и выдержан. – Не делай резких движений, Палец! Я скажу, когда будет можно, понял?

Он методически раз за разом провертывал ключ, жал на педаль. Стартер чихал и захлебывался.

– Они сюда едут! – с тихим ужасом пробормотал Вик. – Это погранцы, Иваныч! Контрабандисты не станут нарываться.

– Не суетись, Вик! – посоветовал Иваныч. – У нас теперь выбор небольшой. Или эта колымага заведется, или они ведут нас к прокурору, – он нехорошо засмеялся.

– Ага, – печально заметил из-за его спины Палец. – Сам шутишь, а мне нельзя, значит?

– Ну, пошутить, если сумеешь, – пробормотал Иваныч, в очередной раз проворачивая ключ.

Внезапно мотор зарычал и завелся. «УАЗ» задрожал мелкой дрожью, словно ему самому давно не терпелось сорваться с места. Но Иваныч не спешил. Удовлетворенно кивнув головой, он спокойно выжал сцепление, двинул рычагом скоростей, медленно поехал, оглябая опасное место.

– Может, свет потушить? – тоскливо спросил Палец. – Засекут ведь.

– Понравилось тачку из ям вытаскивать? – усмехнулся Иваныч. – Умник! Так зарюхаемся, что краном не достанешь. Нет уж, тут как кому повезет. Тем более что они нас уже заметили.

Он был совершенно прав. Огни чужого автомобиля, вначале пропавшие, появились снова, и теперь они неуклонно следовали за «УАЗом», наращивая скорость. Это была погоня.

Вик елозил на сиденье, щелкал зажигалкой, шуршал картой.

– А ведь мы уже дома, – сказал он немного погодя, но в голосе его не слышалось радости. – Это наши на хвост сели. Земляки, мать их!.. Что будем делать?

– Что делать? Уходить пока будем, – буркнул Иваныч. – Смотри по карте, где там пересеченная местность. Надоело как таракану на ладони. Есть тут какая-нибудь роща, лес, овраг, наконец?!

– Да нет тут ни хрена! – простонал Вик, пытаясь справиться со сползающей под ноги картой. – Не видно ничего, трясет!

Иваныч молча поднял руку и зажег светильник.

– Ты что?! – напугался Палец. – Свет! Видно же за километр!

– Кому надо, нас и так видят, – хладнокровно ответил Иваныч. – Мне нужно знать, куда рулить. У нас тут не ралли Париж – Дакар, призов не будет.

Вик вперился взглядом в карту и долго молчал. Потом он поднял голову и неуверенно изрек:

– По-моему, теперь нужно правее брать. Тут километрах в четырех река есть. Вдоль реки обычно деревья растут, схорониться можно.

– Ну хоть так, – сказал Иваныч. – Хотя если это наряд, то хрен схоронишься – у них собака наверняка.

– Черт, и как ты сюда ехал?! – в сердцах спросил Вик. – Тоже с приключениями?

– Сюда я днем ехал, – объяснил Иваныч. – Да ребята знакомые подсказали, как лучше проехать. Теперь-то подсказать некому. Ну да, может, оторвемся...

Однако события показали, что так просто они не отделаются. Внезапно над степью жакнул выстрел. Он был отчетливо слышен даже сквозь рокот мотора и дребезжание кузова.

– Ну все! – сказал Вик, бросая карту на пол и нервно оглядываясь. – Пошла писать губерния! Они уже близко, Иваныч! Может, поднажмешь?

– Я-то поднажму, – усмехнулся Иваныч. – Машина не хочет.

Он сам ловил в зеркале пляшущие огни настигающего их автомобиля. Сзади больше не стреляли – зато принялись орать в мегафон, призывая остановиться. Слышно было плохо, металлизированный голос мешался с шумом погони, но смысл был ясен.

– Да уж, контрабандисты с мегафоном на дело точно не ходят! – заключил Иваныч. – Теперь, ребята, молитесь, какому кто богу молится. Больше нам никто не поможет.

Спутники молчали. Возможно, мысленно они и молились, но когда Палец вдруг раскрыл рот, он сказал:

– Может, пальнуть для острастки, Иваныч?

– Я сказал, рано! – рыкнул тот. – Попробуем оторваться. Если уж нет, тогда...

– А может, лучше – стволы в окно и сдать? – предложил Вик, неотрывно глядящий в заднее окно. – Скажем, заблудились, документы у нас чистые, что у них против нас есть?

– Дурак ты, Вик! – презрительно заметил Иваныч. – Во-первых, тебе сейчас в горячке так навалиют, что до пенсии лечиться будешь. Солдат нынче злой пошел, тем более если ты его ночью по степи гонять заставляешь. Во-вторых, следствие будет – с участием спецслужб, заметь. Шеф тебе спасибо не скажет. Пожалуй, сделает вид, что вообще тебя не знает. И на зону тебе передачи никто носить не будет... Заблудились! Да если они нас сейчас возьмут, они на нас тонну наркоты повесят, соображаешь?! Им отчетность тоже нужна. Нет уж, в такие игры я не играю... Ах, твою мать! – неожиданно заорал он и круто повернул руль.

Прямо из-под колес у них вбок ушел черный провал – они едва не попали в овраг. Вряд ли он был глубокий, но им хватило бы и этого. На этом можно было бы поставить точку. Иваныч, стиснув зубы, погнал «УАЗ» вдоль оврага. Преследователи не отставали – местность им была известна куда лучше, и, похоже, они знали, куда гонят свою дичь.

– Не уйдем, – обреченно сказал Палец.

– Закрой пасть! – отеческим тоном посоветовал Иваныч.

Сзади опять выстрелили. Это было уже серьезно. Короткая автоматная очередь прошла где-то совсем рядом с «УАЗом». Метили в колеса. Иваныч жал на газ – он-то в душе молился без перерыва. Хотя если эти молитвы и дошли до адресата, то наверняка ничего, кроме удивления, не вызвали – текст этих молитв был полностью авторский, Иваныч сочинял их на ходу, не отрываясь от баранки.

– Бляха-муха! – заорал не своим голосом Вик. – Там впереди вроде блеснуло! Речка, Иваныч!

– Не суетись! – снова сказал тот. – Речка – значит, речка. Только как ты в такой темноте что-то увидел? Со страху, небось?

Его слова были прерваны новой автоматной очередью. Хлопнула под днищем покрывка, и «УАЗ» швырнуло вправо – в пасть оврага. Обливаясь потом, Иваныч как-то ухитрился выровнять машину, но, опасаясь катастрофы, постепенно затормозил.

– Вот теперь давай! – глухо сказал он Пальцу.

Того не надо было упрашивать. Мигом разбив стекло, он с удовольствием выпустил очередь по надвигающимся огням.

– Йе-е-ес!! – завопил Палец. – В девятку!

Иваныч обернулся. Как в замедленном кинофильме, мчавшаяся по их следам машина поднялась в воздух, сверкнула огнями, клюнула носом и нырнула в овраг. Лязг и скрежет, донесшиеся оттуда, показали, что приземление не было благополучным.

– Теперь деру, ребята! – негромко сказал Иваныч. – Такие вещи не прощают.

Они выскочили из машины. Палец настороженно повел по сторонам стволом автомата. Вик первым рванул бежать.

– Карта где, сука?! – остановил его Иваныч. – Карту возьми!

Вик молча кивнул, сунулся в машину и тут же появился снова – с картой в руках. Иваныч тем временем уже поливал «УАЗ» из канистры. Резко запахло бензином.

– Отойди! – прикрикнул Иваныч и, отступив на несколько шагов, швырнул что-то в темноту.

Сверкнула вспышка, и тут же над машиной с гудением взметнулось рыжее пламя. По траве забежали диковинные длинные тени.

– Все, уходим! – скомандовал Иваныч. – Наше счастье, если они не сообщили на свою чертову заставу. Обложат как сусликов...

Они побежали прочь от оврага. Палец замыкал колонну, время от времени оглядываясь, не возобновилась ли погоня. Вдруг он остановился, присел на колени и сосредоточенно выпустил две короткие очереди в сторону огромного костра. Остальные, не останавливаясь, убежали в темноту.

Палец нагнал их, задыхаясь, объяснил:

– Псина из оврага вывернулась... Здоровенный кобель! Собака Баскервилей. И морда даже светится.

– Я говорил, с собакой они, – так же на бегу сказал Иваныч. – Ну, ты ее убрал, что ли?

– Спрашиваешь! – с превосходством ответил Палец. – Я не промахиваюсь, сам знаешь.

Бежали долго, уходя на северо-запад от пылающего в ночи костра. Дважды пришлось перебираться через неглубокие овражки. В конце концов сил ни у кого не осталось, и они перешли на шаг. Оглядываясь назад, Иваныч отрывисто спросил у Вика:

– Ну и где твоя река? Она бы сейчас кстати была – в плотке так пересохло, будто камней наглотался. Давай, смотри, куда идти, а то выскочим куда не надо. Хорошенько смотри!

Вик долго возил пальцем по карте при свете зажигалки, сверялся с прибором. Наконец поднялся, сложил карту и решительно ткнул пальцем в темноту.

– Туда! Совсем немного осталось. Река впереди, а за ней еще километрах в пяти – железная дорога.

– Двинулись! – тут же сказал Иваныч. – До рассвета должны успеть, иначе я нам не завидую!

Зашагали молча, дыша в затылок друг другу. Пылающий «УАЗ» давно исчез в ночи – даже отсветов они не видели. Было тихо – ни выстрелов, ни гула моторов.

– Это хорошо, что тут полчеловека на квадратный километр живет, – заметил Иваныч. – А то бы давно слух прокатился. Я надеюсь, что пограницы не успели сообщить на заставу.

– Думаешь, мы их грохнули? – мрачно спросил Вик.

– Это ты у Пальца спроси. Куда он им метил.

– Да я по колесам! – воскликнул палец. – Они по колесам – и я по колесам. Все законно! Иваныч фыркнул.

– Законник выискался! Давно юридический кончил?

– Хватит подкалывать, Иваныч! – обиженно отозвался Палец. – Лучше скажи, что нам теперь делать?

– То самое. О чем заранее говорили, – назидательно заметил Иваныч. – Поскольку гладко все не прошло, при первой возможности разделимся. Встречаемся в Саратове у Карена. А дальше все по расписанию – вы в Москву, я в Тольятти. И рот на замок – все понятно?

Он ускорил шаг. На востоке начинала светлеть полоска рассвета, и это слабое свечение пугало Иваныча больше всего. Что бы ни случилось с пограничниками, очень скоро о происшествии будет известно по всей округе, и по следам бросится свора ищеек. При свете дня шансов скрыться будет очень мало.

К реке вышли неожиданно. Мутно блеснула в темноте неширокая полоса, повеяло прохладой. Все трое подбежали к воде, забыв про брезгливость, напились прямо из потока.

Потом Иваныч выпрямился и протянул руку.

– Автомат! – коротко сказал он.

Палец с заметным сожалением передал ему оружие. Иваныч сосредоточенно разрядил «АКМ», споро, как на занятиях по военной подготовке, разобрал автомат на составные части и пошвырял одну за другой в воду.

– Ну все, игры закончились, возвращаемся к цивилизованной жизни, – заключил Иваныч. – Будем перебираться на ту сторону. Где там твоя железная дорога, Вик?

– Должна за рекой быть. А за железкой – еще и шоссе проходит.

Разделись, перешли вброд речку. Она оказалась не слишком глубокой – на середине едва по грудь. Когда оказались на противоположном берегу, вдаль послышался протяжный гудок.

– Поезд идет, – со знанием дела сказал Иваныч, взбираясь на насыпь. – Судя по звуку, товарняк. Грузенный. Будем садиться. На товарняках паспорта не спрашивают.

Однако время шло, но, кроме гудящих рельсов, поезд ничем себя больше не обозначал. Вик начал нервничать. Он все чаще оглядывался по сторонам и сплевывал себе под ноги. Пальцу тоже было не по себе.

– Без акээма, как без штанов, – пожаловался он. – Что, если сейчас окружат? Куда бежать?

– Я тебе, Палец, одно посоветую, – сказал Иваныч, которому тоже становилось тошно от ожидания. – Закрой ты наконец свою пасть, а то опять чего-нибудь накликаешь. И заруби себе на носу – без акээма ты просто подозрительная личность. А с ним – вооруженный преступник. И тогда с тобой совсем другой разговор. И так пришлось сегодня пострелять – мне лично на всю оставшуюся жизнь хватит.

– Где же этот проклятый товарняк? – с ненавистью сказал Вик. – Сдох он там, что ли? Может, он в другую сторону идет?

– Ты руку к рельсам приложи, – посоветовал Иваныч. – Сюда он идет, только он не знает, что тут его пассажиры дожидаются, не торопится.

– Глядите, машина! – вдруг сказал Палец, глядя куда-то вбок.

За железной дорогой в отдалении появился мигающий огонек. Он медленно приближался, и стало ясно, что огонек не один, а два – это были фары какого-то автомобиля. Иваныч раздумывал несколько мгновений, а потом решительно сказал:

– Ну-ка, за мной! Посмотрим, что за человек такой едет. Кому в глухую ночь не спится?

Он перепрыгнул через рельсы, скатился с насыпи и побежал в сторону шоссе. Вик и Палец устремились за ним. Через минуту они выскочили на обочину.

– Ты что думаешь, Иваныч, кто-нибудь в такой час остановится? – озабоченно спросил Вик.

– Хорошо попросим – остановится, – буркнул Иваныч.

Он вдруг полез во внутренний карман и, вытащив оттуда пистолет, передернул затвор.

– Ничего себе! – сказал Палец. – А говорил, настрелялся!

– Мне положено, – сухо сказал Иваныч. – Нам сейчас кровь из носу убраться отсюда надо. Поезд – слишком медленно. А если тачку возьмем, в самый раз будет.

Машина приближалась. Они уже слышали ровный гул мотора, к которому постепенно начал примешиваться странный бухающий звук, словно кто-то заколачивал сваи.

– Что за черт? – растерялся Иваныч. – Это что за агрегат едет? Не соображу что-то.

Палец хохотнул и с довольным видом заявил:

– Ну ты даешь, Иваныч! Это же они в салоне музыку слушают! Не врубился, что ли? Отдыхают культурно.

– Что же они, козлы, по ночам музыку слушают? – пробормотал Иваныч, смущенный своей ошибкой. – Это непорядок! За это по соплям дают! Слышь, Палец, ты найди камень

какой-нибудь. Иначе эти суки не остановятся. Их за живое задеть надо. Только поаккуратнее, слышишь?

Палец с готовностью принялся шарить под ногами и через мгновение поднял с земли увесистый булыжник.

– Я их задену за живое! – пообещал он.

Из-за пригорка вылетела сверкающая огнями машина. Мчалась она лихо, километров под сто пятьдесят, высоко подпрыгивая на выбоинах, точно собиралась взлететь. Внутри машины, точно диковинный мотор, упруго колотил басовый барабан.

Автомобиль промчался мимо них одним махом, но Палец обладал не только длинным языком, но и на редкость твердой рукой. Камень, пущенный им, врезался точнехонько в заднее левое крыло. Звук был такой, будто машина переломилась пополам. Как ни были беззаботны ее пассажиры, их тоже напугал этот внезапный удар.

Машина завияла, завизжала тормозами и метров через тридцать остановилась, едва не слетев в кювет. Вся троица во главе с Иванычем уже бежала к ней.

Из машины, пошатываясь и ругаясь матом, выбрался какой-то толстяк. Не отходя далеко от машины, он расстегнул брюки и принялся мочиться на асфальт, ни на что не обращая внимания. Кроме него на шоссе появились еще двое, пожиже комплекцией, но не менее пьяные. Эти не стали заниматься физиологией, а попытались понять, что случилось с машиной. Чиркая зажигалками, они принялись рассматривать обшивку, и в этот момент из темноты на них налетел Иваныч с компанией.

Иваныч с разгона впечатал одного из алкашей в боковую дверцу. Тот крикнул, подломясь в коленях и сполз на асфальт. Иваныч не дал ему расслабиться, схватил за волосы, выдернул наверх и со всего размаху сунул мордой в крышку багажника. Раздался удар, похожий на гонг, и пьянчуга вырубился окончательно. Вик тем временем повалил на дорогу второго и для убедительности несколько раз саданул ему ногами по ребрам. Палец нырнул в салон машины – это оказался черный «БМВ» – и с оптимизмом сообщил, что больше никого нет, а в машине до хрена выпивки. Толстяк, про которого на некоторое время все забыли, пребывал в прострации и почему-то никак не реагировал на происходящее. Он продолжал тупо делать свое дело и даже не поворачивал головы в ту сторону, где валялись его товарищей. Наконец он закончил и на полусогнутых побрел к машине.

– Что с ними будем делать? – озабоченно спросил Иваныч, который теперь полностью контролировал ситуацию на дороге. – Надо сматываться отсюда.

– Мочкануть? – с энтузиазмом предложил Палец.

Вик молча отпихнул его и сказал:

– Ничего с ними не надо делать. Они пьяные в хлам. Бросим их здесь – кто их возьмет?

– Рискованно! – покачал головой Иваныч.

– А у нас сейчас все рискованно, – возразил Вик. – Разве не так?

Толстяк подвалил к ним вплотную, долго пялился, не узнавая в темноте. Потом заговорил, едва ворочая языком. Они не могли разобрать ни одного слова. Тогда Вик молча схватил его за грудки, оттащил от машины и с силой пихнул в кювет. С коротким криком толстяк, точно куль, повалился в канаву, сделал неуклюжую попытку подняться, но окончательно рухнул на землю и затих.

– Видел? – спросил Вик. – Он теперь до утра спать будет.

– Тогда поехали! – скомандовал Иваныч. – Этих тоже уберем с дороги, и вперед.

Когда взялись за скорчившихся на асфальте пьянчуг, один из них зашевелился и с хмельной храбростью заявил:

– Я вас достану, паскуды! Кровью харкать будете! Я вас под землей найду!

– Как раз туда мы тебя сейчас и определим! – обрадовал его Иваныч и натренированным ударом в челюсть отправил говоруна в канаву, а заодно и в нокаут.

Второй пьяный не угрожал, но, когда его сбрасывали в кювет, заныл:

– Вы еще пожалеете, мужики! Вы не знаете, с кем связались! Лучше разойдемся по хорошему!

– Лучше некуда! – сказал Иваныч, прежде чем обрушить на голову пьяного тяжелый кулак. – Отдыхай, чудо!

Покончив с пьяной компанией, они забрались в «БМВ» и тут же уехали. Музыка включать не стали, но жали на всю железку. Когда посветлело небо, они уже въезжали в пригороды Саратова. Не доезжая поста ГАИ, остановились, бросили машину и поодиночке разошлись.

Глава 3

Гуров проснулся, едва за окнами начало светлеть небо. И первое ощущение, испортившее пробуждение начисто, – огромное чувство недовольства собой. Он не сразу сообразил, откуда взялось это чувство, но потом повернул голову и все вспомнил.

Мария мирно спала, разметав по подушке густые темные волосы. Лицо ее казалось сейчас особенно нежным и спокойным. Гуров невольно залюбовался им. Но чувство досады только усилилось. И всему виной был вчерашний банкет, торжественный вечер в театре у Марии, куда он попал на правах близкого родственника.

Гуров не любил банкетов, юбилеев и презентаций, но отказать Марии он, конечно, не мог. Что такое они там отмечали после долгих гастролей, Гуров не слишком хорошо понял. Поскольку на банкете присутствовали весьма влиятельные люди из московской администрации, наверное, подразумевалось, что они вскоре проявят большой интерес к делам театра. Сами актеры с энтузиазмом праздновали возвращение на родину – это тоже было понятно. Актеры вообще любят праздники. Можно сказать, что праздник – это состояние души актера. Непонятно было, что делал на этом празднике Гуров. То есть понятно, конечно, но при всех оправдывающих обстоятельствах, он все равно всегда оставался в этом кругу немного чужим. Видимо, и по этой причине тоже он вчера чересчур усердно налегал на шампанское. Последствия этого и сейчас отдаются легким гулом в его бедной голове.

Но не только эта простительная вольность портила ему сейчас настроение. Причина залегла глубже и никак не была связана с приездом жены, торжествами и дармовым шампанским. Гурову уже несколько дней не давала покоя история, свидетелем которой они с Крячко стали в поезде Москва – Алма-Ата. Вчера на банкете эта история получила некоторое продолжение – вот откуда и плохое настроение.

Где-то в середине вечера, когда их с Марией разлучили – она принимала бесконечные комплименты и поздравления от разомлевшей столичной элиты, – к Гурову неожиданно подкатилась молодая и поразительно красивая женщина, актриса из той же труппы. У нее была фигура модели, голубые глаза и короткая стрижка, еще более ее молодившая. И еще она отличалась удивительной непосредственностью, хотя этот факт можно было отнести к влиянию все того же шампанского. Они разговорились. Девушку звали Ольгой. Фамилия ее, Копалова, ничего Гурову не говорила. В афишах она ему не попадалась. Видимо, вся слава была у этой красавицы еще впереди.

Гуров знал, что производит неплохое впечатление на женщин, но не подозревал, что может представлять интерес даже для столь юных особ. Тщеславием он не отличался, и активность Ольги слегка насторожила его, особенно после того, как выяснилось, что девушка прекрасно осведомлена о нем, и о его профессии, и о том авторитете, который он имел в своем кругу. Конечно, что-то она могла слышать от Марии, но интерес ее к Гурову выходил за рамки обычного любопытства. Он мог поклясться, что Ольге и в самом деле хочется произвести на него самое выгодное впечатление, обаять, если угодно. За неприятной болтовней, за кокетливыми взмахами ресниц, доверительными интонациями угадывалась какая-то цель. Но ведь не собиралась же в самом деле эта девчонка отбить мужа у ведущей актрисы театра! Здесь было что-то другое.

Однако Копалова так ничего ему и не сказала. Полчаса светской болтовни, обольстительных улыбок и еще полтора бокала шампанского. Умом новая знакомая не блистала, очарование ее также не выходило за рамки отработанного стандарта, и Гуров испытал облегчение, когда вдруг опять появилась Мария и заговорщицким шепотом предложила ему сбежать домой. Гуров с восторгом согласился, и, несмотря на невероятные трудности, им удалось обойти все

препоны и исчезнуть. Разумеется, Гуров тут же забыл про Ольгу Копалову. Но почему же тогда, едва пробудившись, он прежде всего вспомнил о ней?

Интуиция редко подводила Гурова. Если какое-то событие, слово или предмет западали ему в голову, значит, это заслуживало внимания. Тем более если воспоминания вызывали неприятные чувства.

Гуров посмотрел на часы, стоявшие на столике у кровати. Пора было вставать и собираться на работу. Мария могла спать сегодня хоть до обеда, и он решил не мешать ей.

Но, покончив с утренним туалетом и поставив на огонь чайник, Гуров все же не выдержал. Внутреннее напряжение не отпускало его, и ему не хотелось уходить из дома, так и не поняв, в чем дело.

Смущаясь и хмурясь, он подсел к жене и осторожно погладил ладонью ее волосы. Мария тихо вздохнула и открыла глаза.

– Привет, Гуров! – сказала она не совсем разборчиво. – Ты уже уходишь? Бедняжка! А я буду спать весь день – после этой Австралии у меня никаких сил не осталось. Подумай только, мы были на другой половине земли! Там все ходят вверх ногами. Такая нагрузка...

Мария улыбнулась, и глаза ее опять закрылись. Гуров кашлянул и осторожно спросил:

– Послушай, я сейчас уйду, но для меня важно, чтобы ты ответила на один вопрос...

– Пожалуйста – я люблю тебя, – пробормотала Мария, переворачиваясь на другой бок.

– Гм, это, конечно, самое замечательное, что я мог услышать в своей жизни, – совсем смутившись, сказал Гуров. – Но, собственно... Видишь ли... Одним словом, ты можешь объяснить, кто такая эта Ольга Копалова? Ну, та девушка, с которой я болтал перед тем, как мы ушли.

Сон у Марии будто рукой сняло. Она живо поднялась, села и в упор посмотрела на Гурова.

– Та-а-ак! – Зловещим театральным тоном произнесла она. – Вон что тебя волнует! Интересно, с каких это пор тебя стали волновать мои конкурентки?

– Она тебе не конкурентка, – поспешно сказал Гуров. – И волнует меня не она, а ее интерес ко мне. Вряд ли ее так уж поразили мои личные достоинства. Вот я и хочу понять, чего она от меня хотела...

– Не оправдывайся, Гуров! – мотнула головой Мария. – С тобой все ясно... Уф, у меня даже весь сон пропал. Вот так и проспишь мужика... Подумать только, ни свет ни заря он уже думает о молоденьких девочках... Вот и верь после этого мудрым полковникам с серебром на висках!..

Она потеряла виски, посмотрела на озадаченное лицо мужа и засмеялась.

– Ладно-ладно, не заводись! – совсем уже иным тоном произнесла она. – Знаю уже, что другие женщины для тебя не существуют. Только это было так неожиданно – услышать от тебя рано утром – кто такая Ольга Копалова? Честно говоря, я и сама не знаю, кто она такая. Красивая женщина, с претензиями на талант, но, боюсь, претензий больше, чем таланта. Впрочем, в любом случае она не пропадет. Еще студенткой сумела выскочить за богатого человека. Теперь приезжает в театр на собственном «Мерседесе»...

– Постой-постой! – перебил жену Гуров. – За богатого человека, говоришь? А кто такой – не знаешь?

Мария наморщила лоб.

– Кажется... Кажется, его фамилия Гузеев, – вспомнила она. – Он занимается кинопродом и кинопроизводством, имеет отношение к проведению кинофестивалей, всяких отечественных «Оскаров» и прочей лабуды. Я его видела однажды. Он показался мне человеком, абсолютно глухим к искусству. То, что он нашел себя в мире кино, большая беда для всех нас, я думаю.

Гуров был поражен.

– Черт возьми! Это уже интересно! – воскликнул он, порывисто вскакивая. – Ты меня удивила, дорогая! Значит, вот какие общие знакомые... Так-так, но что же в таком случае все это значит? – он остановился и вопросительно посмотрел на жену.

– Ты меня пугаешь, Гуров! – сказала она с упреком. – Ты так странно говоришь, задаешь странные вопросы...

– Дело в том, что в командировке я познакомился с господином Гузеевым, – объяснил Гуров. – При весьма драматических обстоятельствах. И он намекнул на наличие у нас общих знакомых. Ты рассказывала этой Ольге обо мне?

– Специально ей не рассказывала. Но, вполне возможно, что-то она могла слышать. Не бойся, никаких секретов я не выдала.

– Все равно непонятно, – пожал плечами Гуров. – Гузеев попал в какой-то нехороший переплет, судя по всему, и изъявил желание просить у меня помощи. Заметь, у меня, а не у милиции. И тут еще пристальное внимание его красавицы жены. Поневоле это настораживает. Чего-то они от меня хотят.

– Спросил бы прямо – чего вы от меня хотите, товарищи?

– Да ведь вчера я не знал, что Копалова – жена Гузеева. И это тоже странно. Обхаживать меня с целью вызвать симпатию и даже не намекнуть на заочное знакомство. Интересно, эта Ольга знает, что произошло с ее мужем? Судя по ее беззаботному виду, вряд ли...

– Вид у нее всегда одинаковый, – возразила Мария. – За это ее мужики и ценят. А что с ее мужем произошло?

– Рассказываю в конфиденциальном порядке, – предупредил Гуров. – Возможно, придется еще заниматься его делом. Хотя тут трудно сказать – все очень неопределенно... А вообще в поезде на него напали. То ли убить хотели, то ли ограбить. Лично я склоняюсь к мысли, что целью преступников было напугать. На ограбление совсем не похоже, а в смысле убийства это вообще смехотворно выглядит. Конечно и мелкой дробью можно отстрелить человеку полголовы, но обычно в таких случаях пользуются более серьезным оружием... Впрочем, это тебя не должно интересовать. Я и сам махнул рукой. Случилось все практически уже за границей, местные менты энтузиазма не проявили, улики, которые были, наверняка не собраны – чего же огород городить. Но вот, судя по поведению вашей Ольги, семейство Гузеева про меня не забыло.

– Наверное, не часто в твоей жизни случалось так, что ты махал рукой на преступление, – заметила Мария.

– Очень редко, – подтвердил Гуров. – Но здесь был особый случай. Собирались на симпозиум по координации действий полиции союзных государств, а выяснилось, что на самом низовом уровне ни черта нет никакой координации. Перед тем как покинуть поезд, я специально справлялся у сопровождавших поезд коллег, что они выяснили о личности преступников. Ведь должны были остаться какие-то следы. Корешки билетов, свидетели, показания проводников... Сумели же они каким-то образом пересечь границу! Оказалось, что в этом плане практически ничего не было сделано. Или с нами просто не захотели делиться информацией. А мы с Крячко, естественно, не имели никаких прав перетряхивать чужой поезд!

– Но почему ты так волнуешься? Раз ты ничего не мог сделать – стоит ли рвать на себе волосы? Замечательно, что ты хочешь победить зло во всем мире, но даже ты не всемогущ, Гуров!

– Потому что эта история будет иметь последствия, помани мое слово, – с горячностью заявил Гуров. – А я ничего не могу в ней понять.

– Поймешь, – успокоила его Мария. – Кто бы сомневался. И еще не факт, что это тебе понадобится.

Но Гуров думал иначе. Он своими глазами видел суматоху в ночном поезде, перебинтованную голову Гузеева, следы дробы на обшивке купе. Преступление было очень серьезное, и

требовало принятия мер неотложных, но обстоятельства складывались для этого неблагоприятные, странные какие-то обстоятельства. Заводя мотор своего «Пежо», Гуров снова прокручивал их в памяти, одно за другим.

Первый факт – как преступники попали в поезд? Скорее всего, сели в него, как положено, с билетами и паспортами. Зайцами через границу не переберешься. В таком случае вычислить их было более чем просто, но коллеги из дружественного государства не захотели это сделать или просто не сочли нужным довести свое знание до Гурова. Другой вопрос, что паспорта, по которым брались билеты, наверняка были поддельными, но это все равно была бы какая-то зацепка.

Второе – преступление было тщательно спланировано, и в определенном месте бандитов ждала машина. Спрыгнув с поезда, они немедленно покинули место преступления. Пересечь границу по степям гораздо проще, чем на поезде, а до границы там было рукой подать. Конечно, рисковали, но бандитская профессия на этом основана. Вот только непонятно, зачем было тащиться с Гузеевым в такую даль, если его прекрасно можно было пугнуть здесь, в Москве? И, видимо, пугали. Гузеев об этом намекал.

И все-таки зачем? Ответа на этот вопрос Гуров не находил, и это раздражало его. Раньше он такого за собой не замечал. Наверное, все дело было в том, что голову он ломать мог сколько угодно, но повлиять на события не мог никак. Да и честно говоря, не был Гуров уверен, что ему на самом деле хочется защищать интересы господина Гузеева. Найти преступников – возможно, но не ради Гузеева. Его небрежные слова о соответствующих гарантиях, сотня, которую он сунул в ладонь симпатичной медсестричке – такой стиль жизни претил Гурову. Увы, сталкиваясь с ним приходилось все чаще и чаще.

Но как часто бывает в жизни, дальше все пошло совсем не так, как ожидалось. Едва Гуров зашел в свой кабинет, как на столе зазвонил телефон. Трубку взял Крячко, который сегодня опередил Гурова и уже возился с электрокофейником. В последнее время он пристрастился начинать рабочий день с кружки кофе.

Крячко поднял трубку, а потом у него поднялись брови. Он заговорщически посмотрел на Гурова и, прикрыв микрофон ладонью, прошептал:

– Этот чудик на проводе! Которому в поезде чуть башку не отстрелили. Как его зовут, забыл, черт!..

Гуров быстро шагнул к столу, забрал у Крячко трубку.

– Алло! Здравствуйте, Павел Владимирович! – бодро сказал он. – Слышу, что решили позвонить. Ну что же, верное решение. Хотите поговорить?

Гузеев на другом конце провода был деловит, но крайне любезен. Он как бы изображал радушного хозяина, зазывающего к себе в гости. Причем в прямом смысле – поговорить он предложил где-нибудь «в человеческой обстановке». Гуров намек не понял и сухо посоветовал Гузееву выбрать время и подъехать в управление. Предложение бизнесмена не смутило, и он сообщил, что уже подъехал, попросив обеспечить ему пропуск.

– Этот Гузеев полон сюрпризов! – проворчал Гуров, закончив разговор. – Не успел я о нем подумать, а он уже здесь, как этот... Сивка-бурка...

Он позвонил дежурному, распорядился насчет пропуска, и через пять минут господин Гузеев уже был в кабинете.

Выглядел он довольно неплохо, если не считать аккуратной наклейки на виске. Похоже, ранение, полученное им, было совсем незначительным. На Гузееве был щеголеватый серый костюм и черная рубашка без галстука. Глаза прикрывали дымчатые очки. Гуров вспомнил, что в очках до сих пор Гузеева не видел, и тут же подумал, что это вполне естественно – виделись ночью, когда нормальные люди очки снимают, к тому же Гузееву тогда наvertsели на голову чалму из бинта.

– Присаживайтесь, Павел Владимирович! – жизнерадостно предложил Крячко. – Кофейку не хотите? Здорово бодрит!

– Спасибо, с кофеином я теперь осторожен, – признался Гузеев, садясь на стул. – Годы дают себя знать, нервы, сердечко... В будни предпочитаю травяной чай. Ну, по праздникам, конечно, кое-что посущественнее – хорошее вино, бокал коньяку, – он улыбнулся.

– Из перечисленного ничего нет, – огорченно сказал Крячко. – Придется вам слюни глотать. А ты, Лева, будешь?

– Потом, – отмахнулся Гуров. – Сначала мы с Павлом Владимировичем побеседуем... Как ваша миссия, Павел Владимирович? Переговоры прошли успешно?

– Миссия? Ах да, конечно! – спохватился Гузеев. – Да, переговоры велись, но о результатах говорить пока рано. Наверное, я переоценил активность наших соседей. Но вас это, конечно, не волнует. Наверное, мне следует сразу перейти к делу?

– Будьте любезны, – сказал Гуров. – Только одно небольшое уточнение. Поскольку речь пойдет, насколько я понимаю, о серьезных вещах, вы должны будете оформить затем письменное заявление, договорились?

Гузеев смешно сморщил лицо, принужденно хохотнул и посмотрел прямо в глаза Гурову.

– Лев Иванович, а может быть, все-таки как-нибудь, э? Так сказать, без протокола? Я понимаю, вы человек старой закалки, у вас принципы, но ведь времена изменились. Согласитесь, вчера еще вам не приходилось сталкиваться с такими ситуациями, с какими приходится сталкиваться сегодня. Появилось столько нюансов, столько неразрешимых вопросов... Не всегда удастся добиться правды прямым путем, верно?

– Вы хотите сказать не всегда удастся добиться своего? – уточнил Гуров.

– Наверное, я кажусь эгоистом, но вы сами согласитесь, что у меня есть некоторые основания решать свои дела, как бы это сказать, менее официальным порядком... Я же не предлагаю вам ничего противозаконного! Вы поможете мне, я помогу вам...

– Все, на этом разговор можно заканчивать! – решительно отрубил Гуров. – Или выберите официальный порядок, или до свидания. Мы в такие игры тут не играем.

– Понял вас, – безропотно сказал Гузеев. – Больше ни на чем не настаиваю. Только уверяю вас, это мало похоже на игры. Вы сами были свидетелем.

– Скорее зевакой, – заметил Гуров. – А вот вы преступников видели. Как они выглядели? Гузеев пожал плечами.

– Да что я там видел! В купе был выключен свет, я уже задремал. Потом грохот, какая-то тень, вспышка, меня ударило, я упал... Нет, практически я ни черта не видел. Вот напугался, это да. К счастью, нападавший напугался не меньше. Он мигом смылся.

– А что же ваши телохранители?

– Ну что телохранители? Ребята пошли спать. Кто мог предполагать, что это может случиться в поезде? Все было спокойно...

– Но насколько я понял, вы уже до этого знали, что вашей жизни угрожает опасность, – напомнил Гуров.

– Это верно. По этой причине я старался даже почаще уезжать из Москвы. Мне казалось, что так надежнее. Просто прятал голову в песок.

– Скажите, у вас большая охрана? – спросил Гуров.

– Не особенно, человек шесть, но ребята надежные, – ответил Гузеев. – Только ведь чтобы охранить от чего-то, желательно знать, откуда последует удар, верно?

– А чего, собственно, от вас хотят? И кто?

Гузеев переменил позу, нервно сжал руки.

– А вот это длинная история, – сказал он с некоторым усилием. – Честно говоря, до сих пор я никому ее не рассказывал. Не красит она меня, совсем не красит. Думаю, что и в ваших глазах я много потеряю, когда вы узнаете суть дела. Что же поделаешь – у нас у всех есть в

жизни такие страницы, которые хотелось бы выдернуть к чертовой матери. Только жизнь – не книга, тут все посложнее. Надеюсь, что вы будете снисходительны. Жена утверждает, что вы чрезвычайно понимающий, мудрый человек...

«Надо же, а я думал, что он так и не вспомнит про жену, – подумал Гуров. – Знать, не зря она вчера вокруг меня крутилась. Задание выполняла. Но что же натворил этот делец? Надеюсь, не придется тут же надевать на него наручники?»

Вслух же он сказал:

– В мудрецы меня до сих пор не записывали. Но повидал я много всего. Постараюсь войти и в вашу ситуацию. Рассказывайте.

– Ага, начинаю, – даже с какой-то радостью заговорил Гузеев. – Значит, дело было так... Я ведь вообще-то мореходку закончил, готовился в капитаны... Плавал уже вторым помощником на танкерах, на сухогрузах. А тут перестройка, распад Союза... На флоте тоже разброд пошел. На некоторое время я остался без работы. Жил я тогда в Ленинграде, еще с первой женой... – он посмотрел на Гурова и уточнил зачем-то. – Разошлись мы еще до того, как я встал на ноги. Она сама меня бросила. В те годы я представлялся ей полным неудачником. Решила найти кого-нибудь получше. Слава богу, детей у нас не было, все произошло само собой. Правда, оказался я тогда не только без жены, но и без своего угла. Была у нас в Ленинграде комната, так я ее жене оставил – изображал настоящего мужчину, так сказать.

– Ну что же, – заметил Гуров. – Пока у вас просто рождественская сказка получается. Благородный моряк в бурном море жизни... Наверное, дальше хуже будет?

– Да, дальше будет совсем паршиво, – кивнул Гузеев. – В общем, это сейчас легко вспоминать, а тогда заскучал я сильно, пить начал. Жил у друзей, у баб разных... В общем, жизнь под горку покатила. И тут встретил я одного человека, с которым вместе мореходку заканчивал. Прозвище у него чудное было – Боско. По-настоящему его звали Томкин Сергей Петрович. И вот он весь в побрякушках золотых, виски хлещет по сто долларов бутылка, а я в драных штанах, опухший от водки... Водка тогда, сами знаете, из чего только ни делалась...

– Вы говорите про этого человека «был», – заметил Гуров, не поддержав разговора о водке. – Почему?

– Это по привычке, – объяснил Гузеев. – Потому что я считал, что этот человек погиб. Но мы забегаем вперед. Позвольте, я по порядку... В общем, встретились мы с Боско, и он потащил меня в лучший ресторан. Угостил по-царски и сказал, что я дурак и с моей квалификацией можно деньги лопатой грести.

– Это каким же образом? – заинтересовался Гуров.

– Ну, насчет того, чтобы лопатой, это, конечно, было сильно преувеличено! – махнул рукой Гузеев. – Но по тем временам это был выход. Боско знал дельцов, которые занимались перевозкой не слишком законных грузов...

– Проще говоря, контрабандой, – подсказал Гуров.

– В том кругу стараются не употреблять этого слова, – продолжил Гузеев. – Он нарисовал мне радужную картину, и я клюнул. Мы набрали команду и уже через полтора месяца выехали через Выборг в Финляндию, а оттуда знакомые Боско переправили нас в экваториальную Африку.

– Ах, вот оно что! – воскликнул Гуров. – Вы плавали под чужим флагом?

– Я плавал под чужими флагами, – поправил его Гузеев. – Флаги были самые экзотические. Грузы тоже. От вас скрывать не буду – мы перевозили контрабандную нефть, мы перевозили оружие, спиртные напитки, сигареты, проститутток, все что угодно. Работенка была еще та. Спали по четыре часа в сутки, в трюмах постоянно стояла вода – мы ходили на судах, которые давно пора было резать на металлолом. Жрали концентраты, которые не стали бы жрать и собаки. Добавьте сюда постоянную опасность нарваться на пограничный катер, перспективу сгнить в какой-нибудь африканской тюрьме... Через два года такой жизни у многих

ехала крыша. Вот был у нас такой в команде – Васька Петрухин. Так он в двух кабельтовых от островов Зеленого Мыса через борт шагнул. Просто ногу перекинул и шагнул. До этого три дня ром хлестал. Заначки у него по всему судну были – уследить не могли.

– Спасли? – спросил Гуров.

– Какое там! – мрачно сказал Гузеев. – Штормило. Мы еле на плаву держались. Не до Васьки тогда было, мир его праху...

Они немного помолчали. Крячко, внимательно слушавший рассказ, покрутил головой и плеснул себе еще полчашки кофе.

– Да, веселая получается история! – сказал наконец Гуров. – И, насколько я понимаю, это только начало?

– Да, это пока цветочки, – кивнул Гузеев. – В смерти Васьки моей вины нет. Но дальше и меня, и всех нас ждало худшее испытание. Вообще-то должен сказать, что нам еще неслыханно везло. Столько экипажей, занимающихся подобным промыслом, потонуло, попало под пулю, получило пожизненный срок – просто волосы дыбом становятся. Мы же были как заговоренные. Платили нам меньше, чем обещал Боско, но все равно неплохо, а по сравнению с тем, что мы получали бы здесь... Хуже всего было, что никто не знал, что будет с ним завтра. Мы даже не знали заранее, куда делаем следующий рейс. Все решалось где-то за кулисами.

– На кого вы работали? – спросил Гуров.

– Эта компания называлась «Оушен Транс-Гарант». Но это ровным счетом ничего не значит. Она могла называться хоть «Чебурашкой». Никаких налогов и никаких гарантий. Все держалось на подкупе чиновников и полицейских. Контора «Транс-Гаранта» находилась в городке Бельвиль. Это одноименный островок вблизи побережья Либерии. Он обладает какой-то административной автономией, что ли – я плохо в этом разбираюсь. Но там мы были в относительной безопасности. Боско контролировал ситуацию. Он ведь с нами по морям не мотался. Сидел в офисе с кондиционером и подсчитывал барыши.

– Так он у вас что, вроде прораба был? – удивился Крячко.

– Вроде. Только потом история скверная вышла, – Гузеев опять помолчал, словно собираясь с духом, а потом продолжил с мрачным выражением лица. – Мы только что из Испании вернулись, порожняком. Ребята все на пределе были. Мы на обратном пути опять в шторм попали, чудом ко дну не пошли. Ну, забастовали, одним словом. Потребовали расчет. Ситуация напряженная была. Хозяева расплачиваться не хотели, требовали продолжения работы. Тюрьмой грозили. Но Боско – все наши заработки у него были – сумел договориться. Сошлись на том, что деньги наши получаем сполна, но делаем еще один рейс – до Танжера, там грузимся и идем в Нормандию. Сдаем груз кому следует и свободны как птицы. Что же делать? Мы согласились. Боско поехал в банк, где лежали наши денежки, а ребята отправились по барам – расслабиться захотелось.

– А вы? – спросил Гуров.

– Я в тот день себя неважно чувствовал. Прилег в номере гостиницы и проспал до вечера. Разбудил меня Боско. Он деньги привез, хотел рассчитаться с ребятами, а никого нет. Это, говорю, теперь до утра, пока не протрезвеют. Ну, он повел меня к себе в офис, мою долю отдал, и я пошел по своим делам. У меня там женщина была, мы иногда встречались. Мулатка, но очень светлая. Хорошая женщина, Франсуазой звали. Наверное, не один я у нее такой был, но она умела сделать вид, что один. А в чужой стране это особенно ценишь. В общем, провел я у нее ночь, заснул под утро, а она по делам ушла. И вдруг прибегает, будит, глаза вот такие, и говорит мне – беда, мол, ночью господина Боско убили и контору ограбили, полиция нашу команду разыскивает. В общем, понял я, что дело тухлое и надо сматываться, если не хочу остаток дней провести в камере с тропическими тараканами и чернокожими головорезами. И вот тогда я совершил свою главную подлость в жизни. Я быстро собрался, взял только деньги, документы, сговорился с одним типом, у которого был катер, и он отвез меня на материк.

Документы, слава богу, визы – все это у нас было в порядке. Я без проблем взял билет на теплоход, который шел в Гамбург, и отбыл. Через месяц я вернулся в Ленинград. Вот, пожалуй, и вся предыстория.

– А история? – спросил Гуров.

Гузеев снял очки и усталым жестом протер глаза.

– Несколько месяцев назад в моем офисе раздался звонок, – произнес он почти бесстрастно. – И мужской голос сказал, что он вернулся и хочет получить свое. Это был голос Боско! Понимаете, оказывается, он жив! И еще он сказал, что найдет нас всех. Он ищет всю команду, понимаете? Он назвал сумму... Совершенно несуразную – три миллиона долларов. Предупредил, что если денег не будет, мне сделают несколько напоминаний, очень чувствительных, а если я и дальше буду упорствовать, то мне отрежут голову. Вот так, ясно и просто. А так как я человек упорный, но головы лишаться не хочу, то пришел к вам.

– Вы не сразу пришли к нам, – медленно сказал Гуров. – Рисковали жизнью, ждали напоминаний. Почему?

– Я никого не убивал и денег не крал, – сказал Гузеев. – Но признаться в том, что бросил на краю света товарищей, это слишком даже по нашим временам. Мне не хочется еще раз ломать свою жизнь.

Глава 4

Иваныч сошел на перрон и нетерпеливо оглянулся. Вокруг него точно муравейник разворошили – подхватив чемоданы, тележки, сумки, взад-вперед сновали люди. Кто-то приехал, кто-то уезжал, кто-то болтался просто так, без дела, и различить определенное лицо в этой мешанине было делом безнадежным.

– Подождем, – сказал себе под нос Иваныч и отошел в сторонку.

Достав из кармана пачку дорогих сигарет, он не спеша закурил, спокойно выдержав пыливый взгляд молоденького милиционера с пищущей рацией в правой руке. Ничего здешняя милиция знать про него не могла.

Конечно, выглядел он неважно – костюмчик на нем был все еще тот, в котором он гонялся по казахским степям. Как ни отряхивал он его, а вид все равно уже был непрезентабельный. К тому же отсутствие багажа у приезжего тоже выглядело странновато, но и по этому поводу Иваныч не переживал. Легенда у него была железная, и нервы слава богу. К тому же, помимо паспорта с московской пропиской, лежало у него в кармане удостоверение корреспондента «Московского комсомольца», липовое, но хорошо сделанное. Даже сейчас со столичными журналистами стараются не связываться. Так оно и вышло, как ожидал Иваныч. Милиционер посверлил-посверлил его взглядом, да и отвернулся, нашел объект поинтереснее – к вокзалу, горланя, двигалась компания южан в черных куртках, с перстнями на пальцах. К ним и заспешил милиционер, буркнув что-то в свою рацию.

Постепенно толпа на перроне рассосалась, и тогда Иваныч увидел того, кто должен был его здесь, в Тольятти, встречать. Худой, будто затянутый в корсет, блондин с непроницаемым узким лицом шел ему навстречу, и даже чемоданчик в его левой руке не покачивался в такт ходьбе, а висел как приваренный. Иваныч называл про себя этого человека Истуканом, хотя в глаза величал как все – Борисом. Из всей команды он был самым странным и непонятным. Никогда ничего о себе не рассказывал, никогда не пил ни капли вина, и все, что ни делал, выполнял пунктуально, аккуратно, с механистичностью, доведенной до совершенства. Ребята между собой поговаривали, что Борис – вообще не человек, и шеф выписал его из Японии, где давно научились делать таких роботов, что нипочем не отличишь от человека. Одним словом, неприятный был тип этот Борис, но, надо отдать должное, партнер он был исключительно надежный – работая с ним в паре, можно было ни о чем не беспокоиться. Никто еще не видел, чтобы у Бориса сдали нервы. Не то что тот же Палец. Стрелок он, конечно, от бога, но мозгов не больше, чем у воробья. Чем такой помощник, лучше вообще никакого. Только что о нем думать – Палец и Вик сейчас, наверное, уже катят в Крым. Шеф им отпуск обещал – сразу после дела. Понятно, что хочет убрать их с глаз долой на время, но все равно немного обидно. Кто-то на курорт едет, а кто-то пашет и пашет. Верно говорят, кто везет, на того и грузят.

Иваныч оторвался от столба, возле которого стоял, и шагнул навстречу Борису. Тот вытянул вперед узкую бледноватую ладонь. Они обменялись рукопожатием.

– Поезд опоздал на двадцать три минуты, – бесстрастно, но словно бы с упреком, констатировал Борис.

– Там в одном месте путеукладчик работал, – объяснил Иваныч. – Стояли минут двадцать. Ну да это не беда. А ты давно прикатил?

– Ночью. Самолетом, – сказал Борис. – Снял номер. Тебе надо переодеться.

– Сам знаю. Сначала купить надо, во что переодеться, – хмуро отозвался Иваныч. – И пожрать бы не мешало. Я со вчерашнего вечера не ел. Устал как собака. Всю ночь проспал. Как упал на полку, так и вырубился.

– Поесть можно на вокзале, – невозмутимо сказал Борис.

– На вокзале будешь свою девушку кормить, – отрезал Иваныч. – А у меня гастрит. С угрозой перехода в язву. Мне съедобная пища нужна. Берем такси и едем в ресторан. Или у тебя есть возражения?

Возражать Борис не стал. По его лицу вообще было непохоже, что он может возражать против чего-нибудь. Таксист подбросил их до ресторана, где они позавтракали. Разговора за столом практически не получилось. На вопрос Иваныча, нет ли вестей от шефа и не просил ли он ему чего-либо передать, Борис лаконично ответил, что шеф в порядке и ничего нового не говорил.

– Действуем по плану, – заключил он с воодушевлением автоответчика.

После ресторана Иваныч категорически заявил, что должен переодеться.

– Найдем приличный магазин, – решил он. – В таком виде я не могу валять ваньку. Мне нужен хороший костюм и солидный галстук. Башмаки тем более надо поменять.

Еще около часа ушло на то, чтобы найти магазин и купить подходящий костюм. Так в обновке Иваныч и ушел из магазина, оставив старые шмотки в ближайшей урне.

– Что теперь? – спросил Борис.

В его тоне можно было бы заподозрить иронию, но Иваныч знал, что на нее Истукан не способен.

– Теперь по адресам, – спокойно распорядился он. – Я буду разговаривать, а ты будешь на подхвате. Если он здесь, упустить его ни в коем случае нельзя.

– Если он здесь, мы его не упустим, – сказал Борис. – Берем такси?

– С этой минуты никаких такси, – отрезал Иваныч. – Чем меньше будем светиться, тем лучше. Поедем на автобусе.

Долго тряслись в переполненном автобусе. Вышли почти на окраине, где стояли однотипные высокие дома и зеленели молодые бульвары. Нашли дом под номером 91, сориентировались.

– Сиди в сквере, – распорядился Иваныч. – Квартира на пятом этаже. В случае чего в окно не выпрыгнет. Через подъезд выйдет. Связь будем держать по мобильному. Конечно, с первого раза вряд ли что получится. Прошлые два адреса пустые оказались.

Борис выслушал внимательно, но ни капли интереса не появилось в его глазах. Иваныча такая реакция все больше начинала раздражать.

«Честное слово, даже Пальца добрым словом вспомнишь, – с досадой подумал он. – Не человек, а чушка какая-то. Мужик он, конечно, хваткий, но общаться с ним тяжело – как с холодильником. Белая горячка, а не общение!»

Он оставил Бориса сидеть в сквере, а сам направился к дому. Нужный подъезд был на замке, но ему даже не пришлось воспользоваться домофоном – какие-то смешливые девчушки как раз перед его носом открывали дверь. Иваныч приветливо им улыбнулся и расчетливо придержал ногой дверь.

– Как удачно, – сказал он. – А я в шестьдесят пятую. Переверзевы ведь там проживают, а, девочки?

– А мы не знаем, – делая честные глаза, сказала одна из девчонок. – Мы недавно переехали, а это моя подруга, она вообще не тут живет.

– Ясно, – сказал Иваныч. – Ну, думаю, я не ошибся.

Его спокойный тон и солидная внешность несколько не насторожили девушек, однако и в лифте Иваныч продолжал усердно улыбаться, чтобы не портить впечатления.

Он вышел на пятом, а девушки поехали дальше. Иваныч подошел к двери шестьдесят пятой квартиры, поправил узел галстука, сделал значительное лицо и нажал на кнопку звонка. Мысленно он прикидывал, что его может ждать за дверью.

Анатолию Переверзеву, по чью душу он приехал в Тольятти, сейчас не больше сорока. Значит, родителям за шестьдесят. Вполне возможно, что живы и здоровы. Жаль, он не успел

посмотреть табличку на двери – спешил проскочить за девчонками. Если Переверзевы переехали, придется узнавать новый адрес, и хорошо, если новые хозяева его знают. Иначе все затянется на неопределенный срок.

Он еще раз позвонил. Неужели никого нет дома? Придется ждать. Хорошо, что он нормально позавтракал, на сытый желудок жизнь не кажется такой уж паскудной. А она именно такая. Что может быть паскуднее, чем шататься по чужим квартирам, лезть в чужую жизнь, пугать людей? Но это работа, за нее деньги платят, а деньги предполагают ответственность.

Позвоню еще раз, решил он, и спущусь на этаж пониже. Если осторожничают, могут выглянуть. Но вряд ли. Скорее всего, Переверзевы отсюда съехали, а новые хозяева на работе.

Он надавил на кнопку звонка, потом задумчиво почесал нос и только собирался повернуться, как вдруг дверь щелкнула и открылась. Перед Иванычем нос к носу стоял Анатолий Переверзев.

Иваныч никогда в жизни не видел этого человека, но фотографии его, которые показывал шеф, изучил внимательно. Ошибиться было невозможно. Значит, шеф был прав – тем, кто вернулся, некуда больше сунуться, только в родное гнездо. Два раза была осечка, на третий сработало.

Иваныч кивнул, поздоровался. Переверзев что-то буркнул в ответ, сверля его тяжелым, недоверчивым взглядом. Был он приземист, мускулист, с короткой борцовской шеей. Плоская как блин физиономия была испещрена шрамами, видимо, любил по молодости человек подраться. Одет Переверзев был в джинсовый костюм, свитер грубой вязки и тяжелые ботинки на толстой подошве. Это Иванычу не понравилось. «Как будто в поход собрался, – подумал он. – Еще пять минут, и не застали бы». Легенда про корреспондента тут уже, само собой, не годилась. Иваныч развил запасную версию.

– Я из милиции, – сказал он. – По поводу паспортного режима. Это ведь квартира Переверзевых?

– Ну, допустим, а в чем проблема-то?

– Может быть, пройдем в квартиру? Я все объясню, – вежливо сказал Иваныч.

– Ну, пошли, – подумав, согласился Переверзев.

Он отступил в темноту прихожей, пропуская гостя через порог. Иваныч шагнул вперед и сунул руку под пиджак.

– Может быть, насчет документов сомневаетесь? – спросил он. – Я сейчас удостоверение достану...

Пальцы его уже нащупали рифленую рукоятку пистолета, но в этот момент Переверзев выхватил из-за спины обрезок двухдюймовой стальной трубы и что есть силы шарахнул ею Иваныча по челюсти. Тот не успел среагировать. У него просто вдруг потемнело в глазах, и, слыша хруст собственных костей, он отключился, повалившись на истоптанный коврик у порога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.